

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И РЫНКА В РОССИИ. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.13

Правильная ссылка на статью:

Докторов Б. З. К 30-летию ВЦИОМ. Интервью с Н. Н. Чуриловым и Е. И. Головахой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 191—201. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.13.

For citation:

Doktorov B. Z. Celebrating VCIOM'S 30th anniversary. Interview with N. N. Churilova and E. I. Golovakha. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 4. P. 191—201. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.13.

Б. З. Докторов К 30-ЛЕТИЮ ВЦИОМ. ИНТЕРВЬЮ С Н. Н. ЧУРИЛОВЫМ И Е. И. ГОЛОВАХОЙ

К 30-ЛЕТИЮ ВЦИОМ. ИНТЕРВЬЮ
С Н. Н. ЧУРИЛОВЫМ И Е. И. ГОЛОВАХОЙ

CELEBRATING VCIOM'S 30TH ANNIVERSARY.
INTERVIEW WITH N. N. CHURILOVA
AND E. I. GOLOVAKHA

ДОКТОРОВ Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый аналитик и консультант, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, действительный член Российской академии социальных наук, Москва, Россия.
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru

Boris Z. DOKTOROV^{1,2} — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Independent analyst and advisor; Doctor Honoris Causa; Titular Member.
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru.

¹ Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Russian Academy of Social Sciences, Moscow, Russia

Доктор социологических наук, профессор, лауреат государственной премии Украины в области науки и техники за 2014 г., генеральный директор компании «TNS Ukraine» Николай Николаевич Чурилов рассказывает, как создавалось и работало в конце 1980-х — начале 1990-х годов Центрально-Украинское отделение ВЦИОМ. Хотя во всех других республиках и регионах бывшего СССР по-своему решались проблемы формирования выборок, по-разному проходил процесс рекрутирования и обучения интервьюеров, воспоминания Николая Чурилова помогают понять общий механизм создания системы проведения первых всесоюзных опросов общественного мнения.

Я благодарен Н. Н. Чурилову и Е. И. Головахе (доктор философских наук, заведующий отделом методологии и методов социологии, заместитель директора

по научной работе Института социологии НАН Украины, главный редактор академического журнала «Социология: теория, методы, маркетинг») за их воспоминания о деятельности Центрально-Украинского отделения ВЦИОМ на рубеже 1980-х — начале 1990-х годов.

Б. З. Докторов

Николай, для начала расскажи, пожалуйста, о том, как ты стал социологом.

Работать, тем более — увлекаться социологией я начал совершенно случайно в начале октября 1970 г. Я учился на математическом факультете Черновицкого госуниверситета, на стационарном отделении и планировал работать по специальности, заниматься только математикой. Моим руководителем был профессор Карл Морицевич Фишман, он окончил Венский университет и имел ряд очень серьезных работ. Он согласился быть моим научным руководителем в аспирантуре, и к моменту окончания университета у меня уже было опубликовано несколько работ по математическому анализу. Но все изменила моя сумасшедшая общественная активность. С первого курса я активно принимал участие в общественной жизни факультета: был комсоргом группы, курса, отделения, а на четвертом курсе стал комсоргом факультета. Но на этом я не остановился, и на пятом курсе меня избрали секретарем комитета комсомола Черновицкого университета. Это мне и помешало поступить в аспирантуру осенью 1970 г., поскольку, когда принимались заявления в аспирантуру, я был комсоргом университета. Меня освободили с должности секретаря комитета комсомола только в середине октября, но набор в аспирантуру уже был завершен. И мне ректор университета предложил временно поработать в только что сформировавшейся лаборатории социологических исследований при кафедре философии университета. К своей работе я относился легкомысленно (но был вынужден читать литературу, поскольку о социологии я почти ничего не знал), так как видел себя только математиком и продолжал сотрудничать и готовиться в аспирантуру со своим руководителем. Но в начале января 1971 г. профессор Фишман сообщил мне, что он эмигрирует в Соединенные Штаты. Таким образом, я остался абсолютно один, ведь по специальности, которой я занимался почти три года, ни один преподаватель кафедры не работал. Менять специальность по математике я не захотел, так как не видел того научного руководителя, с которым я смог бы работать в дальнейшем. Поэтому мне ничего не оставалось, как серьезно

заняться социологией. И здесь я акцентировал свое внимание на организацию самого исследования, методы и анализ социологической информации. Это было для меня ближе, так как я достаточно неплохо владел математическим анализом.

Я проработал в лаборатории социологических исследований до сентября 1976 г. За это время я объездил почти всю Украину и провел исследования в десятках вузов различных городов. Наша лаборатория изучала становление и формирование мировоззренческих ориентаций у студенческой молодежи. Были опрошены тысячи студентов по достаточно громоздким анкетам. Первые годы информацию мы обрабатывали вручную. Но это было достаточно неудобно, так как мы могли получать исключительно одномерные распределения. При этом мы теряли огромное количество информации. Через два-три года к обработке информации подключились программисты, и обработка уже велась на ЭВМ. Это сразу же дало возможность оценить полученные данные с различных точек зрения.

Я активно «входил» в новую для меня специальность — перечитывал доступную для меня (я тогда жил в провинции — в Черновцах) литературу, отдавая предпочтение работам Ядова, Здравомыслова, Грушина, Рывкиной, Саганенко, Петренко и др. Часто ездил на научно-практические конференции, встречался и общался со многими людьми. Я старался определить ту область социологии, в которой я работал бы в дальнейшем. Определяющим моментом стала книга В. И. Воловича «Надежность информации в социологическом исследовании». Прочитав ее, я понял, что должен в дальнейшем серьезно заниматься вопросами выборки, организации и проведения социологических исследований. И за два года (сказался характер холерика) я «накропал», как мне казалось, неплохую диссертацию, и в 1976 г. с ней появился в Киеве у Воловича, работавшего в то время в Институте философии Национальной Академии наук Украины в отделе социологических исследований, которым руководил В. Ф. Черноволенко. Через день, когда я пришел, чтобы узнать отзыв о своей работе, Волович, ничего не говоря, подвел меня к Черноволенко и сказал, что я — готовый кандидат в аспирантуру.

Так начался Киевский этап моей трудовой деятельности. После окончания аспирантуры и защиты в 1980 г. диссертации в Москве в отделе В. Г. Андрееenkova я остался работать в отделе Черноволенка сначала младшим, а через несколько лет и старшим научным сотрудником. Именно в это время я начал активно работать с Владимиром Паниотто. Мы часто общались и обсуждали интересующие нас проблемы. Так, в начале 1980-х годов мы впервые (если не в Советском Союзе, то в Украине — точно) сформировали опросную сеть для социологической лаборатории при Госкомитете Укртелерадио. Были сформулированы основные принципы формирования территориальных выборок, разработаны все документы, которые определяли порядок проведения опросов и качество работы опросной сети (эти документы в конце 1980-х были положены в основу рабочей документации для опросной сети трех отделений Всесоюзного центра изучения общественного мнения — ВЦИОМ). Через несколько лет мы совместно с Владимиром Рукавишниковым опубликовали в Москве монографию по методике и организации социологических опросов.

Так что в 1987 г., когда Татьяна Ивановна Заславская предложила мне возглавить Центрально-Украинское отделение ВЦИОМ, я располагал достаточно большим опытом организации и проведения социологических исследований.

Да, согласен, опыт у тебя был немалый и разнообразный. Где и как ты впервые встретился с Татьяной Ивановной? Как ей виделось твое участие в работе ВЦИОМ? Насколько быстро удалось решить оргвопросы?

Впервые я встретился с Татьяной Ивановной еще в 1980 г., когда приехал в Новосибирск со своей диссертацией. В то время с Татьяной Ивановной работали несколько специалистов (И. Б. Мучник, И. В. Рывкина), которые своими советами могли мне помочь подготовить диссертационную работу к защите. И эта помощь была оказана. Я затем несколько раз встречался с Татьяной Ивановной на конференциях и всегда поражался ее профессионализму и умению доходчиво излагать свои взгляды для разношерстной аудитории, представленной на этих конференциях. Поэтому, когда я узнал от своих коллег о том, что Татьяна Ивановна организует Всесоюзный центр изучения общественного мнения, и вместе с ней в этом центре будут работать Юрий Александрович Левада и Борис Андреевич Грушин, я сразу решил, что я тоже должен работать во ВЦИОме.

И мне в очередной раз повезло. В октябре 1988 г. в Киев приехал представитель ВЦСПС (ВЦИОМ формировался при ВЦСПС и комитете Госкомтруда СССР) Владимир Георгиевич Веретенников, который встретился и провел переговоры с несколькими моими коллегами и со мной в том числе. Мне задавались вопросы о моем участии в различных социологических исследованиях, о моем профессиональном опыте, о моей научной деятельности и прочее. Веретенникова интересовало, если я буду руководителем Центрально-Украинского отделения ВЦИОМ, то как будет организована работа отделения, кого я планирую привлечь к работе центра и ряд других вопросов. Для меня было неожиданностью, когда через несколько дней мне поступило предложение приехать в Москву и встретиться с Ю. А. Левадой. В беседе с Юрием Александровичем я узнал, что моя кандидатура вполне устраивает руководство Центра, и мы обсудили с ним ряд практических вопросов: где мы будем находиться, с кем сотрудничать в центре и пр. После встречи с Юрием Александровичем состоялась встреча с Татьяной Ивановной, на которой обсуждались также организационные и финансовые вопросы. Я был ошеломлен, когда узнал о планируемой нагрузке на отделения. Трех украинским отделениям — Восточно-Украинскому, Западно-Украинскому и Центрально-Украинскому — планировалось проведение не менее 10—12 исследований в год. Я считал, что работать в таком темпе невозможно. Ведь мы в Академии наук всем отделом (там работало более 20 человек) проводили максимум два крупномасштабных (всеукраинских) исследования в год. Я вышел из кабинета Татьяны Ивановны в полной уверенности, что нашему отделению из пяти человек не по силам будет реализовать такие планы. Но каково было мое удивление, когда в следующем 1989 г. мы провели не 10—12, как планировалось, республиканских исследований, а 18. И уже в последующие годы мы проводили не менее 25 исследований в год.

Был один эпизод, который показал, как Татьяна Ивановна умеет отстаивать свое мнение, как целенаправленно и, главное, корректно она умеет изменить мнение о нашей работе очень влиятельных и уверенных в себе людей. Поскольку нам предстояло работать с Украинским советом профсоюзов, а им в то время руководил член политбюро ЦК компартии Украины Виталий Алексеевич Сологуб, Татьяна Ивановна приняла решение лично встретиться с руководством Укрсовпрофа

и первым секретарем ЦК КПУ Владимиром Васильевичем Щербицким и решить все организационные вопросы работы украинских отделений ВЦИОМ. И когда эта встреча состоялась, я был поражен, как тактично, последовательно и решительно Татьяна Ивановна решала все вопросы: о нашем помещении, о взаимодействии и помощи со стороны профсоюзов и партийных организаций, об использовании ими результатов полученных нами исследований и пр.

За время работы во ВЦИОМе мне пришлось пересмотреть многое из того, к чему я привык, работая в Академии наук. Во-первых, я перестал всю ответственность перекидывать на свои плечи и тянуть весь «воз» самостоятельно. Каждый сотрудник, работающий в отделении, прекрасно знал свои обязанности и отлично с ними справлялся. Мне оставалось только ненавязчиво контролировать их работу. Во-вторых, пришлось значительно расширить свою профессиональную компетентность, так как деятельность отделения требовала достаточно широких знаний не только в организации и проведении исследований, на чем я раньше специализировался, но и в решении вопросов, связанных с обработкой результатов исследований, их интерпретацией и пропагандой этих результатов среди широких масс населения. В-третьих, пришлось научиться взаимодействовать с организациями, в которых мы проводили исследования или в которых получали интересующую нас информацию. И здесь я обязан отметить исключительную помощь и поддержку, которую мне повсеместно оказывала Наталия Викторовна Панина (1949—2006).

Предлагаю вспомнить Наташу Панину. Она недолго работала в вашем центре, но её вклад значителен. И буду тебе благодарен, если ты попросишь рассказать о ней профессора Евгения Ивановича Головаху.

Н. Панина

Н. Чурилов о Н. Паниной

Я познакомился с Наташей Паниной более 35 лет назад, но впервые начал работать с ней, когда в 1982 г. мне предложили изучить социально-психологический климат на Чернобыльской АЭС и отношение сотрудников ЧАЭС к различ-

ным сторонам своей деятельности. Планировалось опросом охватить более трех тысяч респондентов. Нам предстояло опросить и руководство атомной станции на различных уровнях, и персонал станции: операторов, технический персонал и строителей новых терминалов станции. Провести такую работу и в настоящее время, когда существуют хорошо работающие опросные сети интервьюеров, в одном населенном пункте — достаточно сложно. А в те времена эта работа занимала годы, так как необходимо было подобрать необходимое количество интервьюеров, обучить их, провести вместе с ними несколько контрольных интервью и постоянно контролировать качество их работы. А если еще учесть, что вся эта работа осуществлялась на голом энтузиазме сотрудников отдела социологии Института, то особо желающих постоянно ездить в Припять было немного, а если говорить точнее, их просто не было. Вот тогда я и обратился с просьбой к Наташе Паниной составить мне компанию в поездке на ЧАЭС. К моему удивлению, Наташу уговаривать долго не пришлось, и мое предложение было с радостью принято.

Когда же я увидел, как Наташа работает с интервьюерами-добровольцами, то понял, как мне повезло. Наташа подолгу и терпеливо объясняла нашим помощникам, как необходимо себя вести при контакте с опрашиваемыми, на какие моменты в этой беседе необходимо обращать особое внимание, как контролировать ход опроса и прочие детали, которые были очень важны при опросе. Если кто-то что-то не понимал, то это повторялось дважды и более раз. Никакой раздражительности и тем более высокомерия к этим людям со стороны Наташи не было. Несколько таких поездок на ЧАЭС убедили меня в том, что Наташа является прекрасным методистом и организатором-исследователем. И поэтому, когда в 1988 г. создавалось Украинское отделение ВЦИОМа, я предложил Наташе работать в этом отделении моим заместителем.

Четыре года совместной напряженной работы во ВЦИОМе дали прекрасные результаты. Впервые в Украине была сформирована хорошо организованная опросная сеть, на которой нами проводились самые разнообразные методические эксперименты. Это позволило нам разработать четкие правила и подготовить самые подробные инструкции для наших интервьюеров (большинство из которых остаются неизменными и в настоящее время). Тот факт, что Украинское отделение на протяжении четырех лет было одним из лучших в сети ВЦИОМа, огромная заслуга Наташи.

В начале 1990-х годов, когда события развивались достаточно бурно, по настоянию Наташи Украинское отделение ВЦИОМ провело ряд исследований, которые позволили оценить отношение населения Украины и киевлян к происходящим в стране событиям. Собранная информация незамедлительно доносилась через СМИ и отдельные публикации в информационных агентствах Москвы и Украины. Постоянное стремление Наташи познать что-то новое в большинстве случаев превращалось в реализацию исследовательских проектов. Самым ярким примером может служить проект «Украинское общество», который функционирует уже на протяжении 25 лет.

Меня всегда поражали скрупулезность Наташи и ее способность обращать внимание на те мелкие детали, которые порой большинство моих коллег, и я в том числе, оставляли без внимания. И, как правило, Наташа была права. Часто эти

детали могли оказать и оказывали довольно сильное влияние на процесс сбора информации и получение надежной и достоверной информации.

С Наташей было работать приятно и одновременно тяжело. Она была очень требовательна к себе и к тем, кто с ней работал. Она прощала ошибки (кто их не допускает), но никогда не прощала расхлябанности и неряшества в работе. Я очень ей был благодарен за тех менеджеров, которые работали с ней в проектах — они все проходили прекрасную школу профессиональной подготовки. Поэтому для меня Наташа Панина навсегда останется образцом профессионализма и исполнительности.

Головаха Е. Наталия Панина и ее вклад в становление Центрально-Украинского отделения ВЦИОМ¹

Когда тридцать лет назад создавался ВЦИОМ, трудно было представить, во что превратится то единое социальное пространство, которое в перестроечные времена призваны были изучать Татьяна Заславская и ее ближайшие московские соратники, опираясь на данные, собранные многочисленными региональными отделениями во всех республиках Союза. История отвела этим отделениям всего несколько лет активной деятельности. Для одного из них — Центрально-Украинского — эти считанные годы оказались чрезвычайно насыщенными и плодотворными. Этому способствовал очень точный, на мой взгляд, выбор руководителя отделения, в чем проявился организаторский талант Татьяны Заславской, которая непосредственно участвовала в подборе кадров на местах. Предложив возглавить Центрально-Украинское отделение ВЦИОМ Николаю Чурилову, она смогла одновременно «убить двух зайцев».

Чурилов был признанным специалистом по вопросам выборки и массовых опросов. А главное — он, как никто другой в Украине, овладел навыками организации социологической службы, способной использовать новые ресурсы, рожденные перестройкой (идеологические, финансовые, кадровые). Персонал для

¹ Евгений Иванович Головаха — доктор философских наук, профессор, лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники за 2016 год, заместитель директора Института социологии НАНУ, главный редактор журнала «Социология: теория, методы, маркетинг».

организации опросов и обработки данных он набрал быстро, а вот кандидатуру на должность ведущего научного сотрудника, который мог бы обеспечивать высокий научный уровень исследований, найти было непросто. Таких специалистов в Киеве было немного, и это были академические ученые, не привыкшие к непрерывной полевой работе и постоянной смене исследовательской тематики. А потому Чурилов обратился к Наталии Паниной, которую знал и по научным работам, и по опыту совместных полевых исследований.

Не только социология призывала Наталию Панину, но и сам предмет этой науки — социальная действительность. Когда начались серьезные общественные изменения в СССР, квалифицированные и честные социологи оказались невероятно востребованными. Это был период творческого и общественного взлета Татьяны Заславской, Владимира Ядова, Юрия Левады, их единомышленников и учеников. И в Украине пришло время социологов. Общество остро нуждалось в самопознании, а этого не могло произойти без массовых репрезентативных опросов. Вот где нужен был опыт международных сравнительных социологических исследований, накопленный Наталией Паниной в Институте геронтологии. И уже в Центрально-Украинском отделении ВЦИОМ она вместе с Николаем Чуриловым создает первую республиканскую опросную сеть и оригинальную выборку, которая и сегодня используется во всех репрезентативных для населения Украины опросах, проводимых Институтом социологии НАНУ. Обществу нужна была общая картина социальных изменений, и Наталия Панина инициировала проведение социологического мониторинга, равного которому по методической оснащенности и систематичности представления результатов по сей день нет ни в одной постсоветской стране. Обществу нужно было, чтобы СМИ и политические функционеры адекватно представляли данные массовых опросов, и Наталия Панина пишет специальную брошюру для журналистов и политиков, с которыми проводит специальные занятия по работе с социологической информацией.

Хорошо, что мы вспомнили Наташу Панину...

Продолжим разговор о ВЦИОМ. Ты не мог бы описать процесс коммуникации с Москвой при получении задания на опрос и отправке результатов опросов... Ведь, насколько я помню, в начале нашей работы было сложно с ксерокопированием, факсов, модемов вообще не было... вам надо было больше времени на подготовку поля, чем российским филиалам, скорее всего, вы переводили анкету на украинский язык...

Действительно, процесс коммуникации с Москвой в первое время доставлял нам определенные трудности. Первые несколько месяцев общение происходило на очень примитивном уровне, поскольку кроме телефонов никаких других каналов связи у нас не было. Нам звонили и предупреждали о начале нового опроса. И мы договаривались о том, каким поездом и в каком вагоне нам ждать передачу: экземпляр опросника, по которому нам предстояло работать. Как правило, утром мы встречали поезд, получали у проводника документы: опросник, инструкции для интервьюеров, план выборки и пр. Затем в офисе мы быстро переводили опросник на украинский язык, готовили опросники и инструкции для типографии (русские и украинские опросники соотносились в пропорции 60 на 40). Эта рутинная работа занимала у нас немного времени — от силы несколько часов.

Поэтому, если мы все документы получали от проводников утром, то к вечеру уже передавали документы на тиражирование и на следующий день получали готовые растиражированные материалы. У нас были хорошо налаженные связи с несколькими типографиями, и они охотно шли навстречу нашим пожеланиям.

С запуском исследований у нас также не возникало много проблем, поскольку, во-первых, мы с Владимиром Паниотто еще в 1985—1986 гг. подготовили несколько вариантов выборки для исследований по всей Украине. А, во-вторых, как только было принято решение о создании трех украинских отделений ВЦИОМа, мы совместно с Евгением Сеницыным и Людмилой Овчинниковой — руководителями Западно-Украинского и Восточно-Украинского отделений ВЦИОМа (а это были уже опытные и хорошо подготовленные социологи) — немедленно приступили к созданию всеукраинской опросной сети. Поэтому когда мы начали активную работу во ВЦИОМе, опросная сеть по всей Украине уже практически была создана. Кстати, ряд бригад этой опросной сети и часть интервьюеров до сих пор работают с нами.

Но это было не самое сложное в нашей работе, ведь еще требовалось всю собранную информацию передать в Москву. А поскольку мы еще не могли переносить всю эту информацию на магнитные носители (был всего один ПК), то приходилось передавать огромные пачки анкет через проводников поездами Киев — Москва. Далеко не все проводники соглашались принять такой груз. Поэтому был вариант — лично сопровождать груз в Москву, где нас встречали сотрудники центра и помогали нам разгрузиться. Так мне пришлось в 1989 г. более 20 раз приезжать в Москву с грузом и без. Но, слава богу, это продолжалось недолго. Уже в конце 1989 г. мы приобрели второй компьютер, в это же время у нас появился факс, а в начале 1990 г. мы стали обладателями третьего ПК. И с этого времени наш стиль работы резко изменился.

Все образцы опросников и сопутствующих документов, которые нам предстояло размножить и реализовать в исследованиях, мы получали по факсу (электронная почта в то время отсутствовала). Примерно в это же время специалисты из центра поставили на наши компьютеры программное обеспечение, с помощью которого мы могли обрабатывать опросники проводимых нами обследований. И уже нам не требовалось передавать в Москву большие и тяжелые пачки заполненных анкет, мы передавали поездами уже магнитные носители, на которых была информация введенных нами опросников. Так организованная работа, во-первых, была интересна и для нас — мы сразу же видели результаты проведенных нами исследований. С другой стороны, это накладывало на нас еще большую ответственность — ошибки наших операторов могли исказить полученные результаты. Но самое главное преимущество заключалось в том, что ВЦИОМ мог гораздо быстрее представить окончательные результаты заказчикам этих исследований, так как меньше времени уходило на рутинную работу — тиражирование документов и обработку полученной информации.

Таким образом, можно ли сказать, что в 1990 г. в целом сложилась устойчивая и достаточно надежная система проведения опросов в Украине? На этом этапе сколько «полей» вы делали в течение года? Но вскоре Советский Союз распался, ты не помнишь, того или иного вида квази- общесоюзные опросы

все же проводились, вы продолжали получать заказы на опросы из Москвы или все вмиг закончилось?

К 1990 г. наши три отделения полностью адаптировались к тем требованиям, которые нам предъявляла дирекция ВЦИОМа, техникой мы были обеспечены достаточно хорошо (в конце 1980-х годов было достижением иметь три ПК), мы часто ездили в Москву на различного типа рабочие совещания и конференции, поэтому особых затруднений в работе мы не испытывали. И, как я уже говорил выше, в год мы проводили как по всей Украине, так и в отдельных ее регионах более 20 исследований. Иногда параллельно мы запускали в «поле» два и более исследования.

В 1990 г., когда по всей стране прошла волна митингов и протестов, Украина не оставалась в стороне от этих событий. На площади Октябрьской (в настоящее время — площадь Независимости) постоянно проходили митинги. Люди высказывали свое отношение к дефициту продуктов и снижению уровня жизни, радикально настроенные группы населения громко заявляли о своем негативном отношении к органам власти и призывали по примеру Прибалтийских республик объявить о независимости Украины. На этой площади большая группа киевских студентов проводила акцию голодовки в поддержку всех этих требований. Понимая, что ситуация в стране (Украине) начала выходить из-под контроля, ЦК компартии Украины в Верховный совет Украины объявили о досрочных парламентских выборах. И это тоже активировало население страны. В этой связи, понимая, что ситуация в Украине развивается по достаточно неожиданному сценарию, дирекция ВЦИОМа предложила нашим трем отделениям провести ряд опросов среди населения Украины, чтобы выяснить их отношение к происходящим событиям, возможность участия в акциях протеста и пр.

Мы провели ряд исследований (причем несколько из них — по нашей инициативе) по предстоящим выборам в Верховный Совет республики, где отмечалась возрастающая роль демократически настроенных кандидатов от Народного Руха Украины, возглавляемого Вячеславом Черноволом. Результаты этих исследований нам разрешалось публиковать в средствах массовой информации, и очень часто в этот период мне и моим коллегам приходилось выступать на телевидении и по радио. И такая ситуация оставалась неизменной на протяжении конца 1990 и в течение всего 1991 г. И даже тогда, когда Украина и еще ряд других республик Советского Союза объявили о своей независимости, мы (украинские отделения ВЦИОМа, да и весь ВЦИОМ) не прекратили своей деятельности. Мы продолжали проводить исследования среди населения Украины по самым различным вопросам, акцентируя внимание на то, как люди относятся к происходящим в стране событиям, как они оценивают будущие перспективы, политические взгляды населения, рейтинги государственных институтов и отдельных политиков. Все эти результаты нам также разрешалось предоставлять СМИ. Небольшая часть таких проектов финансировалась с разрешения дирекции ВЦИОМа местными государственными и партийными органами.

В таком режиме мы действовали до начала 1993 г. Но уже в 1992 г. мы стали понимать, что наше положение может и должно вскоре измениться, дирекция ВЦИОМа вечно не сможет нас финансово поддерживать. Поэтому в конце 1992 г.

была создана частная социологическая компания «Социс», которая в дальнейшем продолжила активную исследовательскую деятельность в Украине. Но и создание этой компании, и условия ее сотрудничества с центром ВЦИОМ неоднократно оговаривалось с Татьяной Ивановной Заславской и Юрием Александровичем Левадой.

И в дальнейшем компания «Социс» и ВЦИОМ неоднократно и плодотворно сотрудничали.

Спасибо, Николай, за ценный рассказ о начале становления всесоюзных опросов общественного мнения. Конечно, в разных республиках бывшего Союза практика проведения опросов складывалась по-своему. Но все же существовало некое единство организации, и твой рассказ помогает понять, как это было.